

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРА КАК СИСТЕМА
В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ:
ОПЫТ ЗАПАДНО-СИБИРСКИХ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОВЕЩАНИЙ**

*Материалы XV Международной Западно-Сибирской
археолого-этнографической конференции
Томск, 19 – 21 мая 2010 г.*

пункты многочисленны, и, вероятно, признаны оптимально удобными для перехода умерших в загробный мир, что и вывело их в ряд наиболее предпочтительных для устройства могильников.

Хронологический диапазон данного обычая, очевидно, достаточно широк. Следует учитывать, что ряд перечисленных могильников берёт начало в XII–XIV вв. Приложение высказанной позиции, на мой взгляд, перспективно для ряда других, не упомянутых в работе исторических этапов, территорий и этносов.

Ю.И. ОЖЕРЕДОВ¹, И.В. КОВТУН²

Россия, Томск¹, Кемерово²

Томский государственный университет¹

Института экологии человека СО РАН²

«ОПИСАНИЕ КАМНЯ НАЗЫВАЕМАГО ПИСАНАГО» ИВАНА СМИРНОВА

В историографии петроглифического комплекса Письмагора, переименованного в середине XX в. в «Томскую писаницу», особое место занимают различные изобразительные копии памятника. Первую копию, выполненную в июле 1721 г. Д.Г. Мессершмидтом или его художником К. Шульманом, опубликовал в 1730 г. Ф.И. Табберт-Стралленберг в книге, посвящённой его путешествию в составе экспедиции Д.Г. Мессершмидта – «Северная и восточная часть Европы и Азии», изданной в Стокгольме. Следующая, детальная и филигранно выполненная копия писаницы, была снята 3–4 октября 1734 г. профессиональным художником Беркганом по заданию И.Г. Гмелина (РГАДА, ф. 1999, оп. 2, п. 794, Портфели Г.Ф. Миллера. Библиотеки Московского..., л. 4). Примерно в то же время копию томских петроглифов сделал другой художник экспедиции Г.Ф. Миллера – Льюрсениус (РГАДА, ф. 1999, оп. 2, п. 794, Портфели Г.Ф. Миллера. Библиотеки Московского..., л. 3). Третье изображение данного комплекса принадлежит геодезии поручику Ивану Шишкову, составлявшему по распоряжению В.Н. Татищева описание Кузнецкого уезда (СПФ АРАН, ф. 21, оп. 5, № 150, л. 94 об. – 95). Рисунок выполнен в «наивном стиле», что отражает своеобразное восприятие изображений писаницы сторонним наблюдателем XVIII в.

До последнего времени считалось, что это единственные три копии XVIII в., посредством которых Томская писаница стала первым памятником наскального искусства России, введённым в научный оборот. Теперь есть основание полагать, что список копий этого столетия, возможно, не исчерпан полностью.

В книге поступлений Архива Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (МАЭС) выявлена следующая запись: № 104-1 «рисунки Томской писаницы кон. XIX в.», под которой значится крупноформатный рисунок, долгое время хранившийся в альбоме рисунков под № 30.

Рисунок выполнен на трёх склеенных внахлёт листах толстой бумаги блёклого голубоватого цвета. Длина и ширина полотна на разных участках неодинакова, варьирует в пределах 68,5–69 x 40,5–41 см. Долгое время лист хранился в сложенном виде, поэтому по линиям сгибов наблюдаются многочисленные повреждения. На обороте наклеены бумажные полосы более поздние, чем полотно. На поверхности листа есть помятости, по краям – порывы и утраты небольших фрагментов.

На рисунке в вертикальной проекции отображён скальный массив из «рваного» камня и две полосы изображений, разделённых широкой трещиной в массиве скалы и линиями разделов на мелкие плоскости с выбавками (рис. 1). Таким изобразительным приёмом автор одновременно показал форму скалы и структуру её поверхности, длинный скальный выступ – «залавок», жирную синюю линию уреза воды, и, собственно, наскальные рисунки, расположившиеся на шести плоскостях над выступом. В результате были одновременно решены вопросы топографического, планиграфического и изобразительного порядка. Все позиции органично слились в единую изобразительную структуру.

Под синим контуром уреза воды – надпись «РЕКА ТОМЬ»¹, определяющая местонахождение комплекса. Ниже надписи – оперённая стрела с наконечником в виде двух отогнутых в стороны завитушек указывает направление течения реки (влево). Ниже слева нанесён линейный масштаб в сажнях и аршинах («мась штабъ 2 саж.»). Ниже по центру – две строки заголовка: «ОПИСАНИЕ КАМНЯ НАЗЫВАЕМАГО ПИСАНАГО». В тексте экспликации из восьми строк приводится общее писание памятника: «Положение оный камень или утес имеет в Пачинской волости течением по правую сторону Томи, разстоянием от села пачинскаго в (2 верстах) от деревень той волости: колбихи в верьх по реке томе в 6-и, от деревни писаной получившей от сего камня название вниз реки в 243-х сажнях, верхотомской волости разстоянием в Низ по Томе от деревень: Колмогоровой в 5 в. от вновь Стрельной в 8-и верст, и состоит из Зеленоватаго шифера».

Из Яснение: А. Утес на коем под литерами: В. залавок так называемой по которому удобно можно ходить. С. слой мелкаго шифера, Д две гладкия части утеса на коих изображены подобные животным. Е. Ноги выветривших подобия начерченным животным». В правом нижнем углу автор оставил свои данные: «вымарывал и Сочинял Унтер Шихт Мейстер Иван Смирнов».

Справа чуть выше средней части рисунка помещён текст, демонстрирующий тщательность исследования, проведённого И. Смирновым: «От долговременнаго бытия и от ветров осыпалось, на чем как видно были означены подобные сим, животные». Очевидно, прежде чем сделать надпись в данном месте, её автор внимательно изучил скалу и отыскал следы изображений, исчезнувших в результате обрушения поверхности камня.

Пункты экспликации и микросюжеты композиции обозначены латинскими буквами А, В, С, Д, Е, хотя буква Д

¹ Текст приводится со всеми авторскими особенностями орфографического и стилистического свойства.

больше похожа на русскую заглавную, чем на латинскую. Описки в тексте – «N» вместо «Н»: «Ноги» (строка 8), «въ Низ» (строки 3, 4), свидетельствуют, что автор – определённо русского происхождения – имел навыки европейского картографирования, с устоявшейся латинской номенклатурой. Маркировка элементов рисунка напоминает копию Ф.И. Стралленберга (Мартынов, Покровская, 2000, с. 17), в связи с чем возникает вопрос о вероятности знакомства автора копии, подписанной И. Смирновым, с работой предшественника. Насколько это вероятно?

Изображение выполнено чёрной акварелью и пером, чёрными чернилами (тушью?). Рельефность скальной поверхности передана переходящими тонами акварел: от светло-серого до аспидно-чёрного. Люди и животные прорисованы пером, акварель использована для заливки фигуры медведя и отдельных участков на головах лосей в левой и верхней зонах композиции, а также для подводки чернильных контуров на центральных плоскостях, создавая двойную линию с оттенком серого цвета. Документ заключён в двойную рамку из чернильного контура и широкой акварельной полосы. Авторская подпись имеет светло-коричневый оттенок, что можно объяснить: 1) изменением цвета чернил, 2) употреблением других чернил, а также, не исключено, появлением авторской подписи в другое время и других условиях.

Публикуемый рисунок Томской писаницы определённо был известен в научных кругах XIX – начала XX в. В частности, именно о «томском» рисунке сообщал А.В. Адрианов: у Н.С. Гуляева в Барнауле имеется хорошая копия на кальке, сделанная в «масть штабъ» 2 саж.» унтершихмейстером Ив. Смирновым и «серия фотографий отсюда» (Об археологических..., с. 3). Сравнивая гуляевскую копию с публикацией Г.И. Спасского (1857), А.В. Адрианов заметил, что на копии Гуляева (Ив. Смирнова – Ю.О. И.К.) «больше подробностей, чем у Спасского и вообще в деталях она очень отличается» (Об археологических..., с. 3). Статья Спасского 1818 г. сибирским исследователям (Адрианов, Гуляевы и др.), была, видимо, не знакома, иначе А.В. Адрианов не удержался бы от комментариев, обусловленных обстоятельствами, о которых будет сказано ниже.

Рисунок Ив. Смирнова не стал для А.В. Адрианова чем-то экстраординарным. Исследователи того времени и без этого рисунка хорошо знали памятник вочую и по фотографиям. В фотофонде А.В. Адрианова в МАЭС ТГУ, также, как у Н.С. Гуляева имеются фотографии и фотопластины Томской писаницы. Там же хранятся аналогичные пластины профессора Томского университета В.В. Сапожникова, с которым А.В. Адрианов был в дружеских отношениях, а, следовательно, не мог не знать о фотографиях, представляющих для него профессиональный интерес. В 1907 г. Сапожников, будучи ректором университета, назначил А.В. Адрианова на должность заведующего Археологическим музеем университета. Они оба были заядлыми фотолюбителями, активно применявшими свои навыки в профессиональной деятельности (Ожередов, 2004, с. 81–82; 2008а, с. 28).

В советское и постсоветское время информация о рисунке Смирнова не фигурирует, ни в обобщающих монографиях, посвящённых Томской писанице (Окладников, Мартынов, 1972; Мартынова Г.С., Покровская, 2000), ни во множестве других работ. Публикация этого не совсем обычного документа, как нам представляется, проливает дополнительный свет не только на историю изучения памятника, но и на историю «сибирской» археологической науки в целом.

Для датирования документа необходимо исследование бумаги, послужившей основой для копии. На просвет отчётливо видны однотипные водяные знаки – филигранные, повторяющиеся на всех листах, из чего следует, что полотно склеено из однородной сортовой бумаги, характерной для документов конца XVIII – начала XIX в. Филигранные стали основным источником информации о производителе и времени изготовления бумаги, что серьёзно помогло при датировании публикуемого документа.

В нашем случае за основу филигранные принят древний герб г. Ярославля – медведь на задних лапах, придерживающий на плече топор на длинной рукоятке. Аббревиатура «ЯМВСЯ» свидетельствует об изготовлении бумаги на Ярославской мануфактуре наследников (дословно – внуков – Ю.О., И.К.) Саввы Яковлева. В соответствии с формой филигранные, менявшейся время от времени, данный образец относится к типу № 8 (по С.А. Клепикову, образец № 751 – 1959, с. 23). Так называемая «белая дата» (видимая на просвет) – 1799 – год изготовления данной партии бумаги и, соответственно, вероятная нижняя дата рисунка. Если бумагу доставили в Сибирь в первой половине 1799 г., её вполне мог использовать И. Смирнов в летне-осенних полевых работах в этом предпоследнем году XVIII в. Вероятная принадлежность к данному столетию не столь важна, сколь сам документ, определённо существовавший уже в начале XIX в.

По доступным источникам нам не удалось напрямую выйти на Ивана Смирнова. Среди исследователей Алтая известен рудознатец крестьянин Смирнов, который с крестьянином Сусялковым разведал в 1797 г. Сусялковское рудное месторождение золота и серебра (Исследователи..., 2000, с. 196). Если это интересующий нас человек, его появление на Томской писанице в 1799 г. вполне понятно и оправданно. Верхнее и среднее течение р. Томи относилось к Алтайскому горному округу, а рудные изыскания в её бассейне продолжались с XVII в.

В XVIII–XIX вв. в ходе поисков полезных ископаемых рудознатыцы очень часто фиксировали археологические памятники (Скопинцева, 1996, с. 98). Нередко администрация давала подобного рода дополнительные «наказы». На данный факт указывал Г.И. Спасский, опубликованный им рисунок был: «снятым, нарочно для меня, в 1831 году» (1857, с. 29). Не думаем, что им специально был командирован человек для снятия копии. Вместе с тем, он прибегал и к услугам профессиональных художников. Так Абаканскую писаницу для Г.И. Спасского копировал красноярский живописец Хозяинов (Адрианов, Писаницы..., с. 79). В контексте сказанного важно, что в публикации 1857 г. есть масштаб, тогда как копии всех аналогичных приенисейских памятников его не имеют. Возможно, копии с масштабом выполнены горными специалистами, а копии без

¹ Авторы благодарят сотрудника Научной библиотеки ТГУ д.и.н. В.А. Есипову за консультации и помощь при подготовке настоящей статьи.

масштаба – художниками или людьми, не сведущими в правилах картографии.

Следует заметить, что специалисты, работавшие поисковиками от управления Алтайского горного округа, помимо общего образования получали специальную подготовку и обладали навыками в рисовании, картографии, составлении планов местности. Большинство поисковиков были выходцами из низших сословий (солдат, крестьян), что не мешало при определённых способностях и усердии к делу продвигаться по службе. Интересен чин, которым именует себя Ив. Смирнов – унтер-шихтмейстер. В списке горных профессий значился горный чин шихтмейстера, соответствующий 14 и 13 классам гражданской службы (Исследователи..., с. 278), то есть низший. С добавлением унтер он приобретает значение подшихтмейстер или младший шихтмейстер – ещё более низкий чин, не отмеченный в официальном перечне. Возможно, так именовались работники, которые по какой-то причине, например по

происхождению, не могли претендовать на классный чин. Тем не менее, выходцы из крестьян или солдат, получив необходимую для горной службы подготовку, вполне были годны к серьёзной работе. Судя по записи Ив. Смирнова, он не только самостоятельно «вымарьвал» скалу и рисунки на ней, но и «сочинял» достаточно грамотное описание писаницы и мест нахождения памятника с подробными географическими ориентирами и расстояниями между объектами. Рисунок выполнен в масштабе, для точности и облегчения копирования нанесена сетка квадратов со стороной 1,6–1,7 см, что соответствует единице масштаба в 1 аршин. Рисунок выполнен очень умелой рукой: акварелью и чернилами (тушью) без предварительной прорисовки контуров.

Верхняя дата рисунка устанавливается по факту отмены с 1 января 1834 г. чина шихтмейстера горной службы (Там же, с. 278), после чего автор не посмел бы упоминать отменённый чин. Вместе с тем, настоящая интрига, в которой имеет место и дата изготовления документа, разворачивается вокруг двух изображений Томской писаницы, опубликованных действительным членом Императорского Русского Географического общества Г.И. Спасским.

Любопытным открытием стала не только находка рисунка Ив. Смирнова, но и существование его «отредактированной» версии, появившейся задолго до этого. Известно две копии Томской писаницы, опубликованных Г.И. Спасским (1818, с. 6 (72),

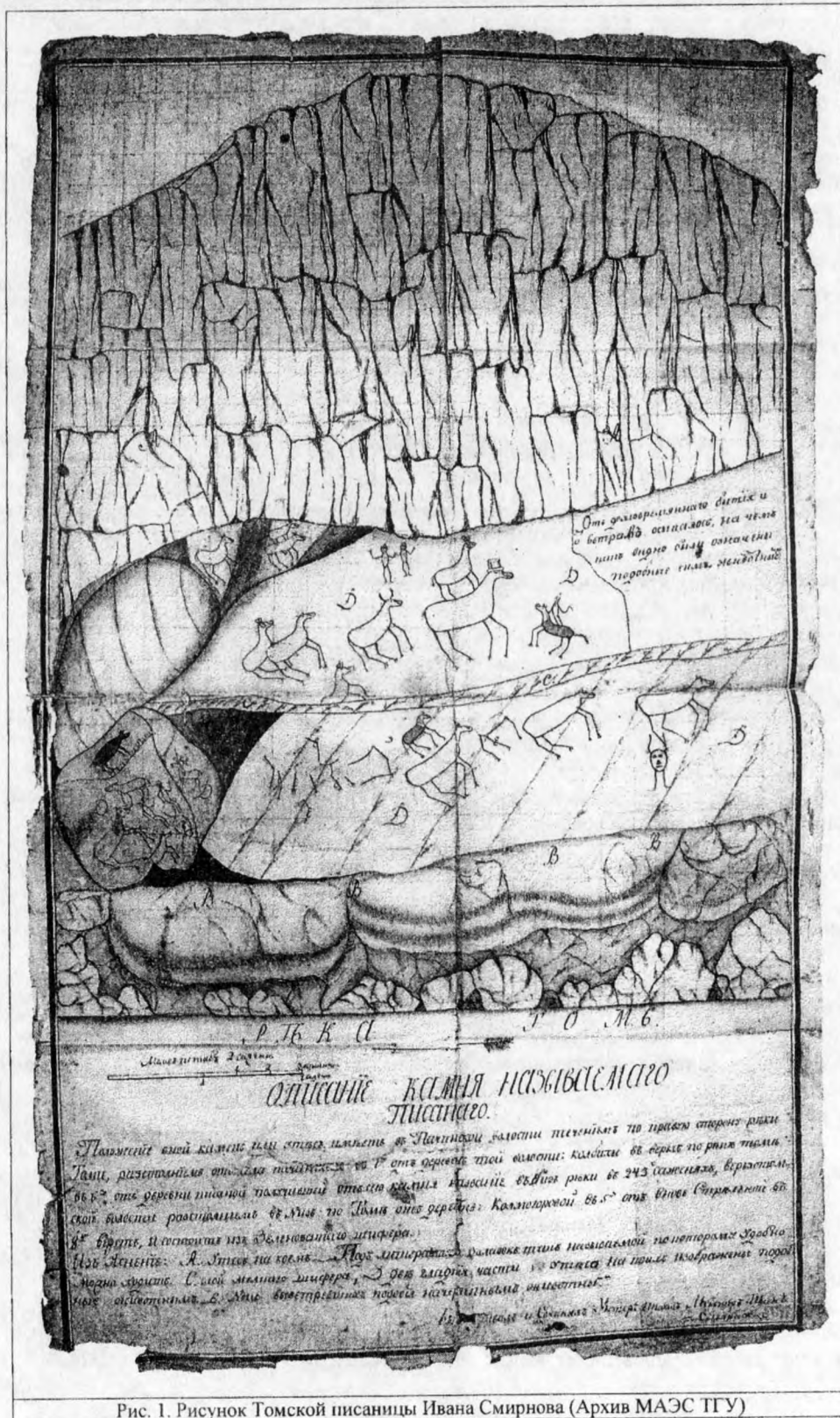

Рис. 1. Рисунок Томской писаницы Ивана Смирнова (Архив МАЭС ТГУ)

1857). В издании 1857 г., которым чаще пользуются исследователи, помещён очень слабый по исполнению масштабированный в аршинах рисунок под названием «Томские древние начертания», изготовленный, как указывалось, по заданию Г.И. Спасского в 1831 г. На пяти плоскостях приводятся своеобразные, но в целом узнаваемые образы Томской писаницы. Создатель данной копии неизвестен.

В публикации 1818 г. Г.И. Спасский издал иной рисунок, об истории которого сведений не приводит. При его сличении с «томским» экземпляром обнаруживается почти идентичное сходство наскальных рисунков. Публикация 1818 г. является лишь слегка изменённой копией Смирнова. Существенной корректировке в ней подверглись лишь второ-степенные детали, изменившие внешность рисунка: скала меньше по высоте, но заметно шире, верхней обрез скалы более пологий, по иному обозначен скальный выступ – «залавок», изменён масштаб, нет обозначения уреза реки, стрелки, указывающей направление её течения, и надписи на поле. Пространная экспликация на русском языке заменена краткой подписью: в левой половине на русском, в правой на французском языках – «Видь сланцоваго утеса при рець Томи и древнихъ на немъ начертаний» (Спасский, 1818, рис. 1). На использование Г.И. Спасским рисунка Ив. Смирнова указывает одинаковое наименование скального выступа под петроглифами – «залавок» – простонародного, скорее всего, не слишком распространённого в научной среде термина.

Каким образом рисунок Ив. Смирнова стал известен Г.И. Спасскому не трудно догадаться из его биографии. В 1800 г. он оставил службу в Московском уездном суде и перешёл в Берг-Коллегию, а в 1803 г. по приглашению Томского губернатора прибыл в Сибирь, где прожил 13 лет. В 1804–1805 гг. занимался сбором топографических и хозяйственных сведений в Красноярском, Кузнецком и Нарымском округах, в 1806 г. назначен на должность губернского секретаря в Бийский округ, а в 1807 г. определён земским исправником в Кузнецкий уезд. С 1809 по 1817 гг. Г.И. Спасский служил в горном ведомстве Кольвано-Воскресенского округа, на Кольванских горных заводах. По служебной надобности он много путешествовал по Алтаю, попутно занимая изучением горного производства, историей, археологией и этнографией края (Исследователи..., 2000, с. 200–201; Мартынова Г.С., Покровская. 2000, с. 37–38; Алтай в трудах..., 2007, с. 31). В этот период ему были доступны практически все материалы, поступавшие в управление горного ведомства от старателей. Доставленный Ив. Смирновым рисунок не мог не привлечь внимание исследователя. Косвенным указанием на пребывание рисунка в казённом хранилище являются старые чернильные пометки на его обороте. В 1817 г., когда с караваном серебра Г.И. Спасский прибыл в Петербург, он уже владел калькой с копии Ив. Смирнова, подобной той, которую видел А.В. Адрианов у Н.С. Гуляева. За короткий срок он готовит публикацию и в следующем году в свет выходит «отредактированный» вариант рисунка (Спасский, 1818). Год отъезда Г.И. Спасского из Сибири ограничивает верхнюю дату рисунка Ив. Смирнова – 1817 г.

Как было сказано выше, заметным изменениям на варианте Г.И. Спасского подверглись формы скалы и отдельных плоскостей. Отличия в петроглифах не столь явны. При перекопировке или при подготовке типографского клише появились мелкие расхождения в деталях: по иному поставлены конечности некоторых животных, разнится расстояние между ними, иначе прорисованы контуры корпуса и показаны некоторые из фрагментированных фигур на центральной плоскости. Указанные отличия не меняют сути: Г.И. Спасский использовал рисунок Ив. Смирнова для своей первой публикации Томской писаницы в 1818 г. В 1831 г. Г.И. Спасский, который на памятнике не был, даёт задание снять ещё одну копию с писаницы «нарочно для него», чтобы убедиться в точности рисунка Ив. Смирнова. Так появляется второй вариант, опубликованный в 1857 г., не менее правдоподобный, чем вариант 1818 г.

Следует упомянуть об обвинениях в адрес Г.И. Спасского в научной недобросовестности и желании воспользоваться чужими трудами. Например, И.Т. Савенков саркастически комментировал публикацию Г.И. Спасским чужих копий енисейских писаниц (Дэвлет, 1996, с. 22). Вместе с тем, публикация результатов других исследователей была повсеместной практикой в старой археологии. Известны аналогичные обвинения в адрес А.А. Спицына, который, тем не менее, признаётся одним из выдающихся русских археологов. Подобно Г.И. Спасскому, поступил Ф.И. Таберт-Стралленберг, обнаруживший копию Томской писаницы Д.Г. Мессершмидта. Большая удача, что оригинал Ив. Смирнова дошёл до наших дней. Теперь известно, чей рисунок лёг в основу публикации Спасского 1818 г., которая в целом адекватно отразила работу горного «старателя».

Копией Г.Спасского метаморфозы рисунка И.Смирнова не закончились. В 1877 г., он был переопубликован в каталоге Й.Р. Аспелина, с очередными искажениями оригинала (Aspelin, 1877, № 347). Высоко оценивавший свой вклад в изучение сибирских древностей Й.Р. Аспелин, говорил о землях «завоёванных» финской наукой, и о подвиге его экспедицией флага финской науки в Сибири (Салминен, 2007, 103). Но применительно к опубликованному им изображению петроглифов р. Томи, древно этого флага, имело сугубо русские истоки.

Ю.И. ОЖЕРЕДОВ¹, Ч. МУНХБАЯР²

Россия, Томск¹, Монголия, Ховд²

Томский государственный университет¹, Ховдский государственный университет²

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТЮРКСКАЯ СКУЛЬПТУРА ИЗ МЕСТЕЧКА ХАТУУ-ХУТЫЛ В ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ

Обследование территорий смежных сомонов Ховд и Эрдэнэ-Бурэн Ховдского аймака Западной Монголии, проведённое международной российско-монгольской экспедицией в 2008 г., выявило около 2000 разнотипных и разновременных археологических объектов. Отдельное место среди них занимают памятники статуарного наследия, среди которого выделяются тюркские изваяния поминального назначения.